

Двадцать третий год правления Тяньси, лето. В уезде Хуамен, Гуандун, с неба упал дракон. Ростом он был с человека, а в длину достигал нескольких десятков чжанов. Запутанный в сетях, он лежал с разорванной плотью, и хребта его не было видно. Жители и чиновники толпами сбежались посмотреть, но тут разразился проливной дождь, поднялись огромные волны, и дракона унесло обратно в море, после чего его никто не видел. — Из Хроник уезда Хуамен.

В декабре того же года, уезд Нинъян, префектура Хуэйчжоу.

Едва пробили пятую стражу, небо ещё оставалось тёмным, но на улице Синтан уже начали раздаваться голоса. Официант из ресторана Цзювейцзюй выносил огромные пароварки со свежими булочками, обустривая прилавок для завтраков.

Ночной сторож, кутаясь в одежду и потирая озябшие руки, подбежал к лавке и купил три булочки. Проглотив одну, он с трудом прожевал её и, подмигнув официанту, шепнул:

— Ну что? Приготовили?

Официант с печальным видом кивнул на стоявшую рядом с пароварками корзинку с едой.

— Приготовили. Всё здесь.

Сторож удивился:

— Неужели и правда приготовили? А если он... если та штука сегодня не придёт?

Официант невольно вздрогнул и сухо ответил:

— Упаси боги, лишь бы он не пришёл.

Ресторан Цзювейцзюй был довольно известен в Нинъяне. Повар по прозвищу Лю Три Блюда славился тем, что мог прокормить кого угодно тремя своими коронными яствами: свининой на персиковой смоле, тушёной курицей в глиняном горшке и хвостом енотовидной собаки с сушёными грушами. Свинина — только нежирная грудинка, курица — дикая птица с горы Лишань, а енот — пойманный строго в дни снегопада.

Благодаря этим трём блюдам в ресторане всегда было полно народу, но Лю был человеком принципиальным: готовил не больше десяти порций в день, хоть тресни. Поэтому желающим приходилось приходить спозаранку.

Однако приходить в пять утра ради таких блюд мог только человек не в своём уме. И именно такой «больной» наведывался сюда уже два дня подряд.

В первый день он молча назвал три блюда и замер. В буквальном смысле — перестал дышать. В зимний холод у любого человека изо рта валит пар, но перед лицом этого гостя воздух

оставался прозрачным, ни единого облачка. На второй день его требования стали ещё страннее: курицу в горшке не подавать, бадьян и фенхель не добавлять, груши из блюда с хвостом убрать...

Это выглядело не как визит голодного гостя, а как намеренная попытка разорить заведение. Тем не менее официант, вместо того чтобы выставить странного посетителя вон, два дня дрожащими руками прислуживал ему, а сегодня даже заранее приготовил заказ.

Официант посмотрел на небо и, подрагивая от страха, вытянул шею:

— Время почти подошло. Ты чего не трясёшься?

— Я по ночам по всему городу бегаю, чего мне бояться? — понизил голос сторож. — К тому же год нынче беспокойный, чего только не увидишь. Слышал про того Истинного Дракона, которого видели в Гуандуне в шестом месяце? Он лежал на берегу, и, говорят, кто-то выдрал из него жилы! Выдрать жилы у дракона! Что это, по-твоему, за предзнаменование? Да и два месяца назад поговаривали, что Государственный наставник едва не отдал концы...

Сторож не успел договорить, как официант, едва не теряя сознание, пошатнулся:

— Идёт... он и правда опять идёт...

Сразу после этих слов перед прилавком возник человек, похожий на книжника. Лицо у него было самое заурадное, взгляд — усталый, а на щеках проступал нездоровый румянец, словно от долгого сидения у огня. Одет он был в серо-зелёный халат, такой тонкий и сам он был такой худой, что походил на воткнутую в землю палку, которую вот-вот унесёт ветром.

Сторож в свете фонаря разглядывал лицо книжника так долго, что последняя булочка у него во рту совсем остыла, но он даже не попытался её проглотить.

Книжник пробормотал себе под нос: Пришёл. Затем он медленно поднял голову, и его чёрные глаза, не мигая, уставились на официанта, отчего того пробрала дрожь.

Официант сжал ноги, чувствуя, что вот-вот намочит штаны.

— Будьте любезны, свинину на персиковой смоле... — голос книжника оказался неожиданно приятным, словно шум бамбука под дождём, но он совершенно не вязался с его внешностью и движением губ, что выглядело ещё более жутко.

Официант, отводя взгляд, дрожащими руками протянул ему корзинку:

— Всё... всё готово. В фарфоровой посуде, без груш, без бадьяна и фенхеля. Только что сняли с огня, ещё горячее.

Книжник словно опешил. Он уставился на корзинку, и лишь спустя мгновение кивнул:

— Благодарю.

Голос его стал глуше, совсем не так, как мгновение назад. Корзинка казалась ему непосильно тяжёлой, словно к тонкой ветке привязали гиру. Уходил он гораздо медленнее, чем пришёл, и лишь через долгое время скрылся из виду.

Сторож вздрогнул и пришёл в себя. Официант, бледный как полотно, прошептал:

— Теперь-то ты увидел? Это лицо... Эй, ты куда так спешишь?

— Писать охота, — ответил сторож.

Однако, отойдя совсем недалеко, сторож с медной монетой и колотушкой в руках вернулся обратно. Официант не успел спросить, в чём дело, как сторож хлопнул его по плечу и кивнул на улицу:

— Смотри туда!

Из ночной мглы бесшумно появилась белая фигура. Официант, только что переживший страх, снова обмяк, едва не приняв пришельца за очередного духа. Но, присмотревшись, понял, что это монах. Он был облачён в простую белую рясу с широкими рукавами. Ни единого пятнышка другого цвета — выглядел так, будто пришёл на похороны. Вид с раннего утра крайне недобрый.

— Вижу, — недоумевал официант. — Просто монах, и что?

— Я только что прошёл мимо него, — прошептал сторож. — У него на поясе висят медные монеты пяти императоров!

Монеты пяти императоров способны отгонять нечисть и защищать дом. Говорят, Государственный наставник всегда носил такую связку на поясе. С тех пор это стало привычным атрибутом тех, кто зарабатывает на жизнь изгнанием духов. Среди них полно шарлатанов, но встречаются и мастера своего дела.

Официант внимательно оглядел монаха издали. В его осанке сквозило что-то неуловимое, что говорило — это не просто бродяга. Впрочем, официанту было не до того: если книжник придёт снова завтра, он точно наложит в штаны прямо тут.

Монах шёл размеренным шагом и вскоре оказался совсем рядом. Официант окликнул его:

— Мастер, постойте!

Монах остановился. Полы его белой рясы даже не коснулись пыли. Он бросил на официанта равнодушный взгляд — холоднее зимнего ветра. Только теперь официант заметил, какой монах высокий: ему пришлось задрать голову, отчего он невольно отступил на полшага, врезавшись в сторожа.

Этот толчок вернул официанту решимость. Он выпалил:

— Вижу, у вас на поясе монеты пяти императоров. Вы мастер изгнания злых духов?

Монах без эмоций взглянул на свои монеты, не подтвердив, но и не опровергнув слов официанта. Тот смущённо переглянулся со сторожем: монах был настолько холодным, что у официанта перехватило дыхание.

Сторож оказался смелее. Он в двух словах описал книжника и добавил:

— Мы не знаем его близко, но это сын старого Цзяна из аптеки. Вот только аптека Цзянов сгорела три года назад! Все погибли, кроме дочери, вышедшей замуж в Аньцин. Говорят, в пять утра даже призраки бездельничают. А мертвец является три дня подряд именно в это время! Страшно же!

Монах мельком взглянул на небо и отрывисто спросил:

— Где он?

Официант оживился. Он указал на поворот улицы:

— Только что ушёл! Ещё не успел войти в дом! Я знаю, где их развалины, мне проводить вас?

Впрочем, уже через минуту официант пожалел о своей прыти. Зачем он связался с этим ледяным столбом? Ему казалось, что этот короткий путь длится вечность. Он украдкой поглядывал на монаха, не смея задать ни единого вопроса, и запомнил лишь крошечную родинку у него на шее.

Наконец, они дошли до заднего переулка аптеки семьи Цзян. Книжник, как и ожидал официант, ещё не вошёл в дом, а медленно брёл по переулку, неся корзинку. Странно было то, что он говорил сам с собой, причём меняя голос: то звонкий, то хриплый.

— Ты лично на гору Лишань за курицей ходил? С таким шагом до Нового года успеешь? — это был звонкий голос.

— Всё равно быстрее, чем ходить, не имея ног, — ответил хриплый.

— По-моему, ты просто не хочешь жить.

— Недостойный, я уже три года как мёртв.

— ...

Книжник разыгрывал сцену безумия, после чего, словно лист бумаги, проскользнул сквозь щель в разрушенной стене дома Цзянов.

Официант, ставший невольным свидетелем этой сцены, в ужасе бросился наутёк. Сделав пару шагов, он вспомнил про монаха, впопыхах сунул ему в руки кошель с деньгами под предлогом «небольшое подношение» и припустил прочь.

Монах нахмурился, глядя на кошель. Тот был грязным, засаленным и источал неприятный запах. Он хотел было выбросить его, но в последний момент передумал. С брезгливым выражением лица он, сжимая в руке кошель, бесшумно подошёл к дверям аптеки.

Вернувшись в ресторан, официант долго не мог отдышаться, пересказывая увиденное сторожу.

— Слушай, — вдруг сказал он, — а ведь этот мастер кажется мне знакомым.

— Ты каждый день видишь сотни людей, конечно, все кажутся знакомыми, — отмахнулся сторож.

Официант выпрямился и случайно бросил взгляд на стену. Там висело старое объявление о розыске преступника, выцветшее и порванное после снегопада. Но в уцелевшей части — как раз там, где была изображена шея — отчётливо виднелась крошечная родинка. Точь-в-точь как у монаха.

Официанта прошиб холодный пот: это был опасный преступник, за голову которого назначили огромную награду.

<http://bllate.org/book/21932/2278718>